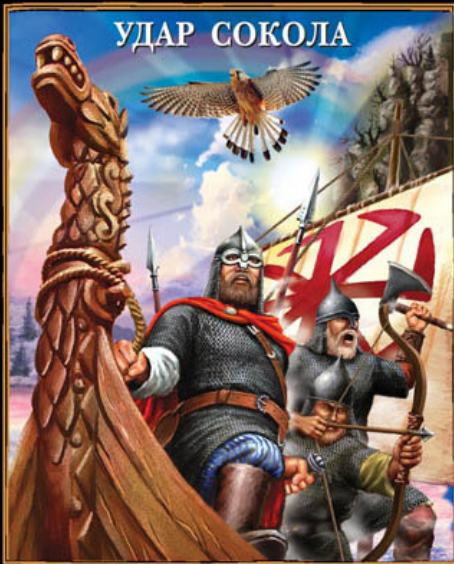

Михаил САРБУЧЕВ

КНЯЗЬ РЮРИК
1000-ЛЕТНЯЯ ЗАГАДКА

НИКАКОГО РЮРИКА НЕ БЫЛО?!

УДАР СОКОЛА

Михаил Михайлович Сарбучев

Никакого Рюрика не было?! Удар Сокола

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6655496

Михаил Сарбучев. Никакого Рюрика не было?! Удар Сокола: Эксмо,

Яуза; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-68265-2

Аннотация

Раз уж о князе Рюрике начали рассуждать даже писатели-юмористы вроде М. Задорнова – значит, нет в древнерусской истории фигуры более «модной», спорной, загадочной и сомнительной. Если оспариваются не только мифы «норманистов», но и летописи, ведущие отсчет русской государственности с «призвания Рюрика», – вполне уместен вопрос: А БЫЛ ЛИ ОН ВООБЩЕ? Почему преодоление рядового династического кризиса стало вдруг «точкой сборки» нашей цивилизации? Кто имел больше прав на ладожский престол – Рюрик или его племянник Вадим? Как заурядный «спор славян между собою» раздули до масштабов «основания державы»? Почему летописцы приписывают «князю-Соколу» деяния, совершенные через много лет после его смерти? Не потому ли, что никакого Рюрика вообще не было? Чем так опасен

миф о «призвании варягов»? И откуда на самом деле «есть пошла Русская Земля»? Новое историческое расследование от автора бестселлеров «Никакого «Ига» не было!» и «Крещение Руси – благословение или проклятие?» отвечает на все эти вопросы.

Содержание

Пыль веков. Размышления на берегу	5
Битва со змеем. До и после	15
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Михаил Сарбучев

Никакого Рюрика не было?! Удар Сокола

Между тем история древнейшей славянской Руси так богата фактами, что везде находятся ее следы, вплетишиеся в быт всех народов европейских, при строгом разборе которых Русь сама собою выдвинется вперед и покажет все разветвление этого величайшего в мире племени...

Е. И. Классен¹

Пыль веков.

Размышления на берегу

Ранняя осень. Сыро. Тепло. Небо прозрачно. Оно еще порадует парой солнечных деньков. Воды Волхова удивительно спокойны, как будто на равнину уронили гигантское зеркало, в котором отражаются величественные облака, плывущие от Ладоги в глубь континента. Под ногами чавкает жирный чернозем. Откуда здесь чернозем? Такого не может быть. Если вспомнить про зону рискованного земледелия, то тут, получается, прямо-таки зона повышенного риска... Тем не менее и в частных огородах, и в монастырском подсобном хо-

зьяйстве, и в крепости земля черная-черная, без следов обычных суглинков и супеси. Эту землю любили многие поколения. Сделали ее не просто пригодной для обработки, а первоклассной, тучной, плодородной.

Место слияния Волхова и маловодной Ладожки, левого притока, удивительно напоминает место слияния Москвы-реки и Неглинной. Мы в Старой Ладоге – древней столице государства Российского, в городе, который на 500 лет старше Стокгольма, на 450 – Берлина и почти на 150 лет «взрослее» первого каменного строения на острове Цсепер, от которого исчисляет свой возраст Будапешт. По данным хроник, каменно-земляная крепость здесь имелась уже в конце IX века, деревянная – и того раньше, а поселение существовало и вовсе с незапамятных времен. Та кладка, что фрагментами сохранилась по сей день, конечно же, не помнит ни Рюрика, ни его верного сподвижника Олега, прозванного Вещим. Она появилась позже, когда некто Павел, посадник храброго Мстислава, «иже зареза Редѣдю», восстановил здесь северный форпост Руси. Случилось это за 38 лет до первого упоминания Колывани – ныне столицы гордой, независимой Эстонии. Каменные сооружения Таллина и того моложе, но нечто общее, определено, есть. Как есть нечто общее и с Копорской, Ямской, Изборской крепостями. Толстая Маргарита чем-то напоминает Климентовскую и Раскатную башни. Но все они: и Ям, и Копорье, и Колывань, – можно сказать, младенцы по сравнению с Ладогой. Только Изборск

хранит предание о некоем Труворовом городище – резиденции брата (?) Рюрика. А знаменитый Ивангород – так и просто гость из далекого будущего. Его камни были скреплены раствором спустя 700 лет после ладожских!

Мы, современные жители Земли, зачастую не способны мысленно охватить такой огромный срок – 700 лет. Приблизительно столько прошло от победы благоверного князя Александра (Невского) над ливонскими рыцарями до освоения человечеством реактивных технологий и полета Гагарина. А для нас что Ладога, что Ивангород, ну... примерно одно и то же. Смешивая «в одну эпоху» столь разные сюжеты, мы легко можем «подарить» Ярославичу пару батарей «катюш», эскадрилью «лагов». Ну а что? С немцами воевать самое оно! А там уж и до «противостояния с НАТО» недалеко. Да и дата образования Североатлантического альянса выпадает из обозначенной «эпохи» всего лишь на каких-то семь лет (погрешность – 1 %). Так что НАТО, будем считать, тогда тоже было.

Вот так, опираясь на собственный шаткий опыт, различные «умники», получившие образование в «партийных школах» без отрыва от производства, а то и просто прикупившие диплом, приписывают нашим древним пращурам совершенно фантастические мотивы действий, пытаются объяснить их через призму позднейшего знания и, разумеется, попадают впросак.

Но в Старой Ладоге не хочется думать о подобном. Все

это представляется ядовитой пеной, бурлящей в зловонной сточной канаве. А над ней, как и тысячу лет назад, нависают серо-голубые небеса (им все равно, над чем нависать). А под их бесконечным шатром медленно и вальяжно течет седой Волхов, как тек он тогда, когда его гладь разрезали форштевни варяжских дубасов.

Старая Ладога не любит суеты. Здесь все размеренно и чинно, возможно, потому, что она живет не здесь и не сейчас. Древняя столица Руси принадлежит вечности. Может, так и должно быть. Может, и ничего, что основатель великого государства так и не удостоился памятника в стране, которая пережила его более чем на тысячелетие. На берегу Волхова, в парке, ограниченном с одной стороны микроскопическим краеведческим музеем, а с другой – покосившимися заборами частных домовладений, скромно притаился камень, к которому прилеплена мемориальная табличка с надписью, что памятник Рюрику здесь еще только *будет* сооружен. Когда-нибудь. Чья-то рука возложила к нему скромный букетик роз, и камень словно слезоточит. Он устал ждать внимания от нерадивых потомков, он не хочет быть просто камнем у деревенской дороги, он мечтает стать камнем у подножия монумента.

Несомненно, есть множество более достойных личностей, куда сильнее повлиявших на российскую государственность: Омар Хайям, Абай Кунанбаев, Остап Бендер, ну и, разумеется, Ходжа Насреддин. Читающая у нас страна... В новой

России эти памятники выросли, как грибы, за последние 20 лет. А Рюрик? Трувор? Синеус? Может, и не было их вовсе? Может, это сказочные персонажи вроде Иванушки-дурачка и Царевны-лягушки? Впрочем, они-то свою порцию бронзы получили, и не где-нибудь, а у стен Московского Кремля. Очередная *matrioshka* на потеху зарубежным туристам. Что и говорить, страна, не имеющая памятника своему основателю, выглядит жалко. А ведь это играет не последнюю роль в формировании кодов и мифов, которые составляют национальное самосознание. Сегодня коды формируют новые «герои», а Рюрик, Аскольд и Вещий Олег ждут. И недоумевают. Память об известном фольклорном герое-весельчаке, уроженце Бухары, в мире увековечена трижды. В Бухаре (логично), в Анкаре (которую он согласно литературным источникам посещал) и... в Москве, на Рублевке. Рюрик книжек не писал, героем анекдотов не стал, турецкоподанным не был и потому памятника не удостоился. Понятно, в бюджете есть гораздо более значимые позиции. Чемпионат мира по футболу, например.

Однако это *мои* эмоции. Эмоции человека XX–XXI веков, песчинки в вихре истории. Возможно, наш великий пращур выше подобных обид. Он, восседающий за пиршественным столом по правую руку от Перуна в заоблачных высях, окидывает мысленным взором далекое грядущее и не переживает по поводу каких-то тысячи с небольшим лет. На его часах это мгновения. Он ведает, что рассеется морок, что по-

ток времени смоем всех шелудивых «евразийских» клоунов, впившихся мертвой хваткой в мозг народа, и народ *вспомнит*, кто такой Рюрик, и понесет на знаменах имя своего великого вождя.

Пред мудрыми очами проплывают картины будущего. Князь видит международный аэропорт «Горчаковщина» (Ладога-1), превосходящий по пассажиропотоку JFK и Heathrow, вместе взятые; поезда на магнитной подушке, за два часа доставляющие пассажиров в Хельсинки, за три – в Плесецк и Москву. Городская агломерация Старой Ладogi поглотила окружающие населенные пункты и сомкнулась с Санкт-Петербургом. По системе каналов наподобие Кильского океанские суда подходят к терминалам, а дальше, вдоль озера, по берегам каналов, – лес кранов, порттовые склады, от которых ежеминутно отваливают фуры, выгружают на 16-полосную трассу Мурманск – Владивосток и скрываются вдаль. Южнее, где сейчас город Волхов, посверкивают в закатных лучах синеватыми стеклянными фасадами громады Ладogi-Сити, причудливые очертания главных зданий Музея русской истории и Института славянской письменности, плод трудов архитекторов, выписанных из Полоцкой земли. И только здесь, в заповедной части рядом с крепостью, все осталось, как было сотни лет назад. Шумят молодые дубы городского парка, лишь время от времени по старинному обычаю свадебные кортежи подъезжают к могиле Вещего Олега и к мемориалу основателя Русского госу-

дарства – поклониться духам предков.

Когда это случится? Может быть, по его часам – оно и тикнуть-то не успеет. Может, все это уже пришло – осталось лишь протереть глаза, отогнать тени Нави и узреть великую будущность народа. Народа, раздвинувшего границы Европы до Тихого океана и Памира, народа, преодолевшего земное притяжение. И потому абсолютно безразлично, будет ли установлен памятник сейчас или наносекундой позже, ведь стоять ему века.

Возможно, так и произойдет. А пока – убогие деревянные домишки, сиротливо приткнувшиеся к единственной более-менее асфальтированной дороге; автобус, ходящий в Питер два-три раза в сутки; ресторан «Князь Рюрик» (предприимчивые земляки помнят своего правителя) и несметные сокровища, как водится, оставшиеся до лучших времен во множестве курганов, что встречаются здесь повсюду.

Старой Ладогe еще, можно сказать, повезло. Музеефикация крепости началась в 1901 году, когда на губернском собрании было высказано пожелание открыть в селе музей и «установить земскую организацию для приведения в известность, регистрации и описания этих памятников»². То есть в 2001-м музей отметил свое столетие. А в 2012-м состоялся другой юбилей – 1150 лет российской государственности. Широкая пресса оставила эту дату без внимания, Ладогу не посетили ни руководители государства, ни министр культуры, ни мэр культурной столицы. Единственное, чем стра-

на отметила свой юбилей, – выпуск серии монет. Стоимость каждой исчисляется от 70 000 рублей, так что большинству российского народа они недоступны. Кроме того, дату, пусть и не очень круглую, шепотом упоминали в кабинетах ученых.

Зато с какой помпой, с каким размахом, достойным лучшего применения, праздновалось недавно 400-летие (?) дома Романовых! Сколько официального еля вылито по поводу последнего из них, получившего в народе обидно-пренебрежительное прозвище Николашка, разбазарившего наследие Рюрика и Олега, предавшего дело своего прапрапрадеда Петра Великого. Кому и, главное, зачем нужно возрождать династию, которая жестко и однозначно прервалась в 1918 году? Романовы умерли. Все. Никто не выжил. И случилось это на 305-м году царствования. Царь отрекся. Низ-ло-жен. Всё. 305. Точка! Никаких 400. Целых 95 лет Романовым «подарили» большевики. За что? За какие такие заслуги? Почему нам так усердно пытаются навязать эту ничтожную по историческим меркам цифру? Причем навязывают ее, как правило, те, кто в голос гогочет над американской государственностью: «Всего 230 лет – ха-ха-ха!» Действительно смешно. А вот 305 – совсем иное дело: это дает право поучать и снисходительно поглаживать других по вихрастой шевелюре. Мы – великие и древние!

Однако, господа, *вы не справились! Вы допустили* 1855, 1914 и 1917 годы! И история поставила вам «неуд», пускай

даже руками большевиков. История – жестокий учитель. Но, надо признать, справедливый. Ее оценки стоят жизни династиям, вспомним хотя бы некогда роскошную династию Валуа. Мезальянсы, браки между дальними родственниками, седьмой водой на киселе, не дают права на трон. Нигде, даже у африканских бушменов и австралийских маори. А вот «рюриковичи» живы, и многие из них могут доказать свое происхождение с фактами в руках.

Я стою на низком волховском берегу, в Ладоге – древней российской столице, откуда есть пошла Русская Земля, откуда русичи не раз грозили Царьграду, откуда отплыли лодыи Аскольда в поисках дальних богатых земель, но остановились на полдороге, так как им чем-то глянулось полянское поселение, основанное Кием, которое платило дань хазарам. В такую древность заглядывать очень трудно. Нет хроник, пусть даже отредактированных. Почти не сохранилось артефактов. Мы затрагиваем сферы, где любое мнение так и остается гипотезой. И все же давайте попробуем заглянуть за горизонт, угадать прошлое, не делая из него иконы и не пытаясь осмеять, как это невольно получается, если подойти к минувшим векам с нынешними представлениями. Но иногда и камни говорят. Иногда сама природа оставляет нам крохотные лазейки: не все свидетельства уничтожены. Здесь, в вотчине Рюрика, все становится на свои места. Все обретает плоть и смысл.

Будем же вести себя подобающе. Склоним головы перед

величием подвига предков и постараемся прозреть будущее народа нашего.

Битва со змеем. До и после

*И если лик свободы явлен,
То прежде явлен лик змеи,
И ни один сустав не сдавлен
Сверкнувших колец чешуи.*

А. Блок

(18 октября 1905 года)

Наши «исторические расследования» часто приводят нас в Польшу. Здесь работал историк-русофоб Длугош, здесь столетиями культивировалась ненависть к восточному соседу-«азиату». Польша была сферой пристального внимания профессора Дерптского университета Карла Фридриха Крузе, автора идеи о нашествии монгольских татар на Русь. Поляки помнят Катынь, но предпочитают не вспоминать о том, что из тысяч красноармейцев, попавших в плен в 20-е годы, домой вернулись лишь единицы.

Но Польша бывает разной. И поляки тоже. И в этой земле найдется свой праведник. В 1844 году в Лейпциге вышла «Русская старина» Крузе, в которой он фактически «научно» обосновывал необходимость колонизации России, представляя ее производной от кочевых племен Евразии. Всего два года спустя – в 1846-м – в очень древнем польском городе Гнезно, ровеснике Ладоги, тогда еще мало известный широкой публике археолог-любитель и коллекционер древно-

стей Фаддей (Тадеуш) Воланский издал другую книгу. Книгу, которой была уготована причудливая судьба. Через семь лет она попала в «Индекс запрещенных книг» Ватикана и была приговорена к сожжению. Нет, это не ошибка. На дворе стоял не 1453 год, а «железный» XIX век. Уже полстолетия по Европе катятся паровые фуры Ричарда Тревитика, 77 лет как принята Декларация независимости Североамериканских Соединенных Штатов, которая поставила под сомнение божественность происхождения государственной власти. А инквизиция не дремлет.

Что же такого страшного написал поляк? Он всего-навсего усомнился в концепции тотальной отсталости славян по сравнению с другими народами Европы. В своем труде, составленном в виде писем с приложением большого числа рисунков, гравюр и описаний различных древностей, которые автор нашел в экспедициях по славянским землям, он знакомил читателей с новыми артефактами и давал неожиданные толкования известным фактам. И по всему получалось, что чуть ли не вся европейская культура вышла из Южной Прибалтики, а главными ее носителями были племенные союзы славян и русов. Воланский – один из авторов идеи соотношения древних проторусов и этрусков. На многих из предметов, представленных Воланским, имеются письменные знаки, которые он определил как славянские. А сами предметы отнес к дохристианскому периоду славянской истории и культуры. Не получались у него славяне «варварами и почти

зверьми» до того, как греки «даровали» им письменность. И своя письменность была, причем весьма развитая, и монеты, и прочие следы высочайшей цивилизации, в дальнейшем утраченной. Одна из возможных причин этой утраты – именно последующая христианизация, как западная, так и восточная, которая уничтожила большинство следов материальной культуры, существовавшей ранее. Собственно, этого вывода автор напрямую не делает, но намекает на него довольно прозрачно.

«Дожив до седых волос за изучением славянской истории, я всегда сомневался в утверждениях всех, даже российских знатоков старины о том, что российская нумизматика ведет свое начало от Владимира Великого (равноапостольного князя Владимира Святославовича (Святого). – М. С.), в то время как я находил монеты языческих времен VIII и IX веков у чехов и ляхов. Я считаю невероятным, чтобы одно из могущественнейших и известнейших славянских племен этой культурной ветви отставало бы от других племен и довольствовалось бы натуральным обменом или чужими монетами.

Исходя из этой предпосылки, я неустанно продолжал заниматься исследованиями и счастлив найти наконец подтверждение моим идеям. Я готов представить уважаемой Академии несколько золотых и серебряных монет, восходящих ко временам Рюрика, которые занимают, если не в торговле между различными народами, то в истории нумизма-

тики высокую степень в качестве памятных монет или медалей»³.

Один из артефактов – монета (медаль? амулет?), на аверсе которой вполне однозначно читается имя нашего героя – и должен нас заинтересовать. «Золотой амулет, каковой до сих пор не получил толкования. Слева изображена голова всадника с широкой шлемообразной диадемой на лбу. Краткая надпись, сделанная привычными нордическими рунами, использовавшимися также литовцами и всеми прибалтийскими славянами (выделено мной; к этому мы вернемся чуть позже. – М. С.), очень четко передает имя РЮРИК.

Изображение всадника у русских, которое перешло также в литовский герб, а после обращения русских в восточное христианство превратилось в изображение Святого Георгия, восходит к изображению всадника со щитом времен византийских императоров Аркадия, Льва, Анастасия, Зенона и других, о чем свидетельствуют золотые монеты последних. Даже на многих старинных русских серебряных копеечных монетах уже долгое время спустя после крещения Руси мы видим привычного всадника с поднятым мечом без змея, который появился лишь позднее рядом с изображениями Святого Георгия»⁴.

Нам повезло, что рукописи не горят, иначе одним следом великого прошлого в нашем сознании было бы меньше. В том, что это прошлое велико, как и в том, что оно олицетворяется Рюриком и его ближайшими сподвижниками, сомне-

ваться не приходится.

Итак, у нас имеется три символа: всадник, оружие (меч/копье) и олицетворение Зла (змей/змий). Могут встречаться два из трех (всадник + меч) или все три (всадник + копье + змий), как на гербе Москвы. Логично предположить, что возможен и вариант «всадник + змий». Действительно, такое сочетание есть. Смерть Вещего Олега (непосредственного наследника Рюрика, регента при его сыне Игоре), описанная во многих летописных хрониках, которые вдохновили Пушкина на «Песнь о Вещем Олеге», дает нам эту пару. Герой вроде как и не совсем всадник, однако конь – едва ли не центральный персонаж («но примешь ты смерть от коня своего») – и змий (змея), укусивший князя (победивший), ставят этот сюжет в один ряд с важнейшими символами российской государственности.

Всплывает в данной истории и «оружие». Так, «Повесть временных лет» (далее – ПВЛ) сообщает, что смерти Олега предшествовало небесное знамение: «В лето 6419 (то есть в 911 году. – М. С.). Явися звезда велика на западе, копейным образом»⁵. Татищев приводит этот фрагмент в несколько иной редакции: «В лето 6419 <911>. Явися звезда велика на западе, яко куст». Эксперты полагают, что Татищев ошибся, но такая ошибка дорогого стоит. Как раз на подобные ошибки стоит обращать особое внимание, когда перешагиваешь границы видимого в истории и вторгаешься в пределы умоглядного. В рукописи Татищева читаем: «Явися

звезда велика на западе купинным образом», а «купина» по-старославянски означает «куст». В оригинале, очевидно, было неразборчиво написано слово «копийный» (то есть копье-вой), которое переписчик Радзивилловского списка переделал в «купинный», что и воспроизвел Татищев. А в хронике Георгия Амартола мы читаем по-гречески, что в 912 году: «...появилась звезда-комета на западе, которую, говорят, назвали копьем (κοπίς), и она провозвещает кровопролитие в городе»⁶.

Как много совпадений! Рассматриваемый сюжет находит параллели и в исландской саге о викинге Орваре Одде, который также был смертельно ужален на могиле любимого коня. Ученые спорят, стала ли сага поводом для создания русской легенды об Олеге или, напротив, обстоятельства гибели Олега послужили материалом для саги. Однако, если Олег является исторической личностью, то Орвар Одд – фольклорный персонаж, созданный на основе устных преданий не ранее XIII века. Какова же мощь русской традиции, если спустя три сотни лет она послужила основой для исландского фольклора! В тексте саги имеется множество переключек с русскими хрониками: колдунья предсказала 12-летнему Одду смерть от коня; узнав о пророчестве, он избавляется от коня. Далее читаем: «Бродя и вспоминая, оказался он на том месте, где был похоронен конь его. Протекавший ручей подмыл берег, и кости коня оказались видны. Увидав череп, Одд сказал: «Не моего ли коня Факси (дословно «Грива»). – М.

С.) этот череп?» – и с силой ударил по черепу копьём (здесь и ниже выделено мной. – М. С.). Череп отлетел прочь, а из-под него метнулась потревоженная змея и укусила Одда чуть выше щиколотки...»⁷

Вариант саги: «И когда они быстро шли, ударился Одд ногой и нагнулся. «Что это было, обо что я ударился ногой?» Он дотронулся острием копья, и увидели все, что это был череп коня, и тотчас из него взвилась змея, бросилась на Одда и ужалила его в ногу повыше лодыжки. Яд сразу подействовал, распухла вся нога и бедро. От этого укуса так ослабел Одд, что им пришлось помогать ему идти к берегу, и когда он пришел туда, сказал он: «Вам следует теперь поехать и вырубить мне каменный гроб, а кто-то пусть останется здесь сидеть подле меня и запишет тот рассказ, который я сложу о деяниях своих и жизни»⁸.

Любопытно, что сюжет со змием упоминается и в жизнеописании Святого Георгия, но он явно поздний и относится к так называемым посмертным чудесам, то есть к деяниям, в принципе недоказуемым. Как гласит предание, Георгию удалось спасти дочь одного языческого царя в Бейруте. Змий терроризировал окрестности и брал дань девушками. Когда выпал жребий отдать на растерзание чудовищу царскую дочь, явился Георгий на коне и пронзил змея копьём, избавив царевну от смерти. Явление святого способствовало обращению местных жителей в христианство.

Да, история определенно авторская и довольно поздняя.

Но база для переосмысления сюжета очень показательная. Эту легенду часто толковали иносказательно: царица – церковь, змей – язычество. Также ее рассматривают как повествование о победе над дьяволом – «древним змием» (Откр. 12:3; 20:2).

Существует иной вариант истории. В ней святой покоряет змея молитвой, после чего предназначенная в жертву девушка ведет Георгия в город, где жители, видя это чудо, принимают христианство, а герой убивает змея мечом. (Явное наложение сюжетов, ведь если воспринять легенду *as is*, как она есть, Георгий выглядит не очень-то благовидно. Сначала «смирил молитвой», а затем «убил мечом» – не по-рыцарски. Убийство врага в бою – доблесть, тогда как убийство «пленного» и «смирённого» вряд ли можно назвать таковой.) Но есть серьезные сомнения в реальности самого Георгия. Единственный относительно достоверный источник, в котором упоминается «человек, похожий на Георгия», – «Церковная история» Евсевия Кесарийского (VIII.5): «Когда впервые был оглашен указ о церквях [Диоклетиана], некий человек самого высокого, по мирским представлениям, звания, движимый ревностью по Боге и побуждаемый горячей верой, схватил указ, прибитый в Никомидии в общественном месте, и разорвал его на куски как богохульный и нечестивейший. Это произошло, когда в городе находилось два властителя: один – самый старший – и другой, занимавший после него четвертую ступень в управлении. Этот человек,

прославившийся таким образом, выдержал все, что полагалось за такой поступок, сохраняя до последнего вздоха ясный ум и спокойствие»⁹. Предполагают, что этим мучеником, имени которого Евсевий не называет, мог быть святой Георгий. Стоит отметить, что имя Георгий (от др. – греч. Γεώργιος – «Георгиос») означает – «земледелец», что было одним из эпитетов Зевса.

Культ Святого Георгия достаточно древний (сохранились свидетельства о строительстве храмов в его честь, датированных трехсотыми годами нашей эры). Но также нужно признать, что культ этот, очевидно, южный. Вряд ли во времена Рюрика до берегов Балтики дошел палестинский миф о военачальнике императора Диоклетиана, а если и был он известен отдельным интеллектуалам, то вряд ли стал бы основой мифологии сразу нескольких племенных союзов, а в дальнейшем – государственной символики сразу нескольких государств. Георгия-Победоносца почитают в Грузии, Осетии, Болгарии, Македонии – сфере влияния Византии. И его сильные позиции в России объясняются как раз византийским влиянием.

Интересный факт – внутри ладожской крепости имеется православный храм именно Святого Георгия (1165–1166). И в нем произошло нечто достойное внимания: по преданию, здесь освятил свой меч Александр Невский в 1240 году. Нас не должно путать столь «древнее» происхождение храма: он почти на 300 лет моложе описываемых событий. Как

сильно могло измениться лицо страны за 300 лет? Ну, представьте себе, что сейчас за окном разворачивается последний этап Северной войны; нет таких городов, как Одесса, Севастополь и Новороссийск; Петербург представляет собой военное поселение, которое трудно назвать городом; в России не знают о технологии производства фарфора, не говоря уже о самодвижущихся колясках Готлиба Даймлера. Так что 300 лет – это срок. Срок, достаточный для переосмысления традиции.

Осмелюсь предположить, что в VIII–X веках Русь была полем столкновения интересов как минимум двух сил: варяжского Севера и византийского Юга. Собственно, словосочетание «путь из варяг в греки» как нельзя лучше иллюстрирует данную систему координат (Север – Юг). И столкновение этих интересов нашло отражение в символике. Нет ничего удивительного в том, что, как только византийцы добрались до Ладоги, они первым делом решили переосмыслить символику. Именно так поступили представители другой авраамической религии – ислама, когда захватили Константинополь. Святую Софию не разрушили. Ее «переформатировали». Подобным образом поступали и христиане-католики в Прибалтике, строя храмы на месте языческих капищ.

Почему Александр предпочел освятить меч именно в Ладоге? Неужели не нашлось подходящего храма в Новгороде? До времени русская государственность вбирала в себя обе

традиции. Известная печать Ивана III, к которой возводится история герба Российского, содержит два равноценных символа. Один из них «ездец» – всадник, пронзающий змия копьем (этот образ уже настолько прочно отождествлялся с государственной властью, что слово «ездец» в древнерусском обозначало государственную печать вообще), а второй – двуглавый византийский орел. К концу XV века относятся первые известные нам свидетельства того, что они соединились.

Соединились, но не смешались...

Витязь-воин и змей, витязь-мученик и змей. Любопытно, что данный сюжет не умер вплоть до наших дней. Казалось бы, где в относительно недавней истории можно встретить пару «князь/царь + змей»? А она есть. И не где-нибудь, а в знаменитом «Медном всаднике» работы Фальконе. Так что идея памятника «Первому – от Второй» куда глубже, чем объясняли в дореволюционных гимназиях. Змей – это никакие не «завистники и интриганы», не «противники прогрессивных реформ», это враг «древний», перешедший «по наследству» от далеких предков, прямая связь с образом «отца-основателя». Впрочем, вряд ли от российской гимназии, находящейся под значительным влиянием византийской церкви, стоило ждать серьезного анализа. Люди церкви никогда не считали Петра «своим». Может, так и не простили переплавленных на пушки колоколов. Но скорее всего, видели в нем такого же «варяга», как и Рюрик, – человека вне византийской традиции государственности. И свою де-

тельность Петр вел, как мы бы сейчас сказали, в парадигмах, заданных Рюриком. Дорого бы дал внук Гостомысла за возможность устроить морской порт в устье Невы, возвести крепости, замыкающие на замок знаменитый торговый путь и исключаящие какую бы то ни было конкуренцию на нем, создать флот, способный активно действовать в любой точке Балтики и достигать Царьграда. Осознавал ли Этьен Морис Фальконе, что за символ он создает? Почему бы и нет? Этого скульптора посоветовал Екатерине лично Дени Дидро, человек широкого образования и тонкого вкуса. Он, несомненно, разбирался в символах и знал европейскую историю.

Сколько в Санкт-Петербурге и окрестностях памятников Петру Великому? Несколько десятков. Часть из них современные, как шемякинский Петр в Петропавловке, «Царь-плотник» Л. А. Бернштама. Но большинство – лишь немногим младше, а то и старше творения Фальконе. Да и конный памятник не единственный. Здесь можно вспомнить работу Растрелли «Прадеду – правнук» у Михайловского замка. А, например, кронштадтский памятник Жака ничуть не уступает в изяществе любому памятнику, возведенному в честь европейских монархов. Однако почему-то лишь «Медному всаднику» дано было стать не просто самым известным памятником Петру, но визитной карточкой «Града Петрова» и отчасти символом российской государственности – символом столицы. Почему-то именно к нему на площадь вывели войска мятежные декабристы.

На неоднозначное происхождение всадника постоянно намекает Пушкин в одноименной поэме, называя его то «кумиром на бронзовом коне», то «медным истуканом»: слова «кумир» и «истукан», определенно, обозначают дохристианских богов. Случайно? Там же Александр Сергеевич пытается вывести параллель с языческими жертвоприношениями (город-жертва). На чьей стороне «наше все»? Да ни на чьей. Он – поэт, он над схваткой. Если надо, то у него без труда можно найти поровну языческих и христианских мотивов. Взять хоть ту же «Песнь о Вещем Олеге». Может, потому он и есть «наше все»? Византия ведь тоже «наша», хочется нам того или нет. И на Руси всегда находилось место обеим традициям.

Опасно другое. Опасно, когда одна из традиций начинает доминировать, считать себя единственной. Это и есть разрыв культурных кодов, приводящий к аннигиляции национального сознания. На стыке двух традиций и рождается русское. Отними «Византию» – получится «немец», отними «немца» – получится человек XVI века, ориентированный на «восток». Подвижки этих тектонических плит не раз приводили к запоминающимся коллизиям русской истории. Немец? А почему, собственно, немец, почему не турок, не поляк, не венгр, не румын, что было бы логичнее? Почему люди XIX века (тот же И. А. Гончаров в романе «Обломов») так настойчиво стараются понять, где кончается одно и начинается другое? Попытаемся ответить и на этот вопрос, но

в свое время.

В XX веке к суровой языческой символике обратились вновь. Причем обратились в весьма непростые времена для российской государственности. Стихотворение Александра Блока «Вися над городом всемирным...» написано на следующий день после знаменитого Манифеста, который Николай II издал 17 октября. И конечно же, оно выходит за рамки пейзажной лирики. Это политическое стихотворение. Манифест ограничивал самодержавие, восходящее к византийским традициям, и фактически закладывал основы для конституции, устанавливал свободу совести, слова, собраний, союзов. Европейская парадигматика. Упоминание «предка царственно-чугунного» – отсылка не только к Петру, но и к символике, на которую, возможно, равнялся Фальконе.

В наше время, к которому вполне можно применить сентенцию одного из персонажей Надежды Хвощинской: «Были времена хуже – подлее не бывало!», – священная триада «витязь, копье и змей» предстала в комическом, буффонном варианте, будучи исполненной «придворным» скульптором лужковского двора Церетели (на Поклонной горе в Москве). Дистрофичный рыцарь, вооруженный копьем, каким-то образом сумел нарезать змия, как докторскую колбасу советских времен – ту, что за 2 руб. 20 коп. Все это читается как явная насмешка. А отождествление змея с «силами объединенной Европы» (как любят у нас повторять «евразийцы»), от которой Рюрик и Петр себя не отделяли, превращает ком-

позицию в откровенное глумление над 1150-летней российской государственностью. Вкупе с уродом Петром (экс-Колумбом) это такой «удар по штабам». Если традицию нельзя уничтожить – ее можно осмеять. Впрочем, кого это теперь интересует. Нашей новой России 20 лет, ну, в крайнем случае – 305.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.